

ЭРИХ МАРИЯ
РЕМАРК

ЭРИХ МАРИЯ
РЕМАРК

Возлюби ближнего своего

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44
Р37

Серия «Зарубежная классика»

Erich Maria Remarque
LIEBE DEINEN NÄCHSTEN

Перевод с немецкого И. Шрайбера

Компьютерный дизайн Е.А. Коляды

Печатается с разрешения
The Estate of the Late Paulette Remarque и литературных
агентств Mohrbooks AG Literary Agency и Synopsis.

Подписано в печать 15.03.18. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 20,16. Доп. тираж 2000 экз. Заказ №

Ремарк, Эрих Мария.

Р37 Возлюби ближнего своего : [роман] / Эрих Мария Ремарк; [пер. с нем. И. Шрайбера.] — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 383, [1] с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-077309-1

В Библии сказано: «Возлюби ближнего своего».

Но — как возлюбить ближнего своего, если ближние твои желают лишь схватить тебя и убить?

Ты бежишь от смерти, ставшей реальностью, от ада страшных гетто, от безнадежности — к надежде... Но надежда может обмануть. И тогда — «плачьте не об ушедших, а об оставшихся...».

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44

© The Estate of the Late Paulette Remarque, 1941

© Перевод. И. Шрайбер, наследники, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Часть первая

I

Керн резко привстал на постели, вырываясь из черного, сумбурного сна, и прислушался. Как все гонимые и затравленные, он мгновенно очнулся, напряженный и готовый к бегству. Наклонив вперед худощавое тело, он сидел неподвижно, прикидывая, как бы улизнуть, если на лестнице уже появились полицейские.

Он жил на пятом этаже. Окно комнаты выходило во двор, но не было ни балкона, ни карниза, чтобы добраться до водосточной трубы. Значит, бежать через двор невозможно. Оставался единственный путь: пройти по коридору к чердаку, а оттуда по крыше к соседнему дому.

Керн взглянул на светящийся циферблат своих часов. Начало шестого. В комнате было почти совсем темно. На двух других кроватях едва обозначились простыни, серые и расплывчатые. Поляк, спавший у стены, храпел.

Керн осторожно соскользнул с постели и бесшумно пошел к двери. В ту же секунду мужчина, лежавший на средней кровати, шевельнулся.

— Что-нибудь случилось? — прошептал он.

Керн не ответил. Он плотно прижался ухом к двери.

Его сосед приподнялся и пошарил в карманах одежды, висевшей на железной спинке кровати. Вспыхнул луч карманного фонарика. Бледный, дрожащий световой круг вырвал из темноты коричневую дверь с облупившейся краской и прильнувшую к замочной скважине фигуру Керна в помятом белье и с растрепанными волосами.

— Да скажи же, в чем дело, черт возьми! — прошипел человек на кровати.

Керн выпрямился.

— Не знаю. Я проснулся, мне что-то послышалось.

— Что-то! Но что же именно, болван?

— Какой-то шум внизу... Голоса, шаги, сам не знаю...

Мужчина встал и подошел к двери. На нем была желтоватая рубашка; в свете фонаря виднелись волосатые мускулистые ноги. С минуту он вслушивался.

— Ты здесь давно живешь? — спросил он.

— Два месяца.

— Облавы были?

Керн отрицательно покачал головой.

— Ну вот. Значит, померещилось тебе. Иной раз услышишь во сне неприличный звук, а чудится — гром гремит.

Он осветил Керну в лицо.

— Так и думал. Двадцать лет, не больше, верно? Эмигрант?

— Конечно.

— Jezus Christus. Co sie stalo?..* — внезапно забормотал поляк в углу.

Человек в рубашке направил на него фонарик. Из темноты выплыла свалывшаяся черная борода, широко открытый рот и большие глаза под кустистыми бровями.

— Эй ты, поляк! Заткнись-ка со своим Иисусом Христом, — пробурчал мужчина с фонариком. — Его уже нет в живых. Пошел добровольцем на фронт и пал в боях на Сомме.

— Со?***

— Вот опять! — Керн подскочил к кровати. — Они поднимаются наверх! Надо удирать через крышу!

Поляк рывком повернулся на постели. Слышались приглушенные голоса. Хлопали двери.

— Дело дрянь! Тикаем, поляк! Тикаем! Полиция!

Сосед Керна сорвал одежду с кровати.

— А ты знаешь куда? — спросил он Керна.

— Знаю. Направо по коридору! А потом вверх по лестнице, за умывальником!

* Иисус Христос. Что случилось?.. (польск.)

** Что? (польск.)

— Живо!

Мужчина в рубашке бесшумно открыл дверь.

— Matka Boska*, — пробормотал поляк.

— Заткнись! Нас услышат!

Он притворил дверь и вместе с Керном засеменял по узкому грязному коридору. Они шли так тихо, что слышали звук капель, падавших в раковину из неплотно прикрученного крана.

— Здесь повернем! — прошептал Керн, обогнул угол и наткнулся на кого-то. Он покачнулся, разглядел мундир и хотел было податься назад, но в ту же секунду почувствовал сильный удар по руке.

— Стоять! Руки вверх! — скомандовал кто-то в темноте.

Керн уронил одежду. Левая рука онемела от удара. На мгновение ему показалось, что мужчина в рубашке вот-вот набросится на полицейского. Затем, увидев дуло револьвера, который второй полицейский приставил к его груди, медленно поднял руки.

— Кругом! — скомандовал голос. — Стать к окну!

Оба повиновались.

— Посмотри-ка, что у них в карманах, — сказал полицейский с револьвером.

Его напарник начал рыться в валявшейся на полу одежде.

— Тридцать пять шиллингов... карманный фонарик... трубка... перочинный нож... расческа — вшей вычесывать... Больше ничего нет...

— А документы?

— Несколько писем или что-то в этом роде...

— Паспорта?

— Нет...

— Где ваши паспорта? — спросил полицейский с револьвером.

— У меня нет паспорта, — ответил Керн.

— Само собой! — Полицейский ткнул револьвером в спину другого беглеца. — А ты? Тебя что, надо спрашивать особо, выблядок ты этакий?

* Матерь Божья (польск.).

Полицейские посмотрели друг на друга. Тот, что был без револьвера, рассмеялся. Другой полицейский облизнул губы.

— Нет, ты погляди-ка, какой благородный господин! — медленно проговорил он. — Его превосходительство бродяга! Генерал вонючка!

Вдруг он размахнулся и ударил соседа Керна кулаком в подбородок. Тот едва устоял на ногах.

— Руки вверх! — рявкнул полицейский.

Беглец с яростью посмотрел на него. Керн подумал, что никогда еще не видел такого взгляда.

— Это я тебя спрашиваю, сволочь! — сказал полицейский. — Долго я буду ждать? Или мне еще разок долбануть тебя по мозгам?

— Нет у меня паспорта.

— Нет у меня паспорта! — передразнил его полицейский. — Разумеется! У господина выbleядка, видите ли, нет паспорта. Это можно было предположить! А теперь оденьтесь! Только живо!

По коридору бежала группа полицейских. Они шумно распахивали двери.

Подошел молодой офицер в кителе с погонями.

— Что у вас тут?

— Да вот — две птички. Хотели выпорхнуть на крышу и дать деру.

Офицер разглядывал обоих задержанных. У него было узкое бледное лицо с тщательно подкрученными надушенными усиками. Керн ощутил запах одеколona «4711». Он разбирался в таких вещах. Когда-то у его отца была парфюмерная лаборатория.

— С этими двумя поговорим особо, — сказал офицер. — Надеть наручники!

— Разве венской полиции разрешается драться при арестах? — спросил мужчина в рубашке.

Офицер взглянул на него.

— Как вас зовут?

— Штайнер. Йозеф Штайнер.

— Сам без паспорта, а чуть было не набросился на нас, — сказал полицейский с револьвером.

— Венской полиции разрешается гораздо больше, чем вы думаете, — отрезал офицер. — Марш вниз!

Полицейский достал наручники.

— А ну-ка, миленькие мои! Вот так! Теперь вы выглядите намного лучше. Железки как по мерке сделаны!

Керн ощутил на запястьях холодок стали. Его сковали впервые в жизни. Стальные кольца не мешали ходить, но, казалось, они сковывают не только руки, но и что-то более важное.

Начало светать. К дому подъехали две полицейские машины. Штайнер скорчил гримасу.

— Похороны по первому разряду! Довольно благородно. Правда?

Керн не ответил. Он пытался скрыть наручники под рукавами пиджака. Несколько возчиков стояли у молочных фургонов и с любопытством глазели. Окна в домах напротив были открыты. В темных отверстиях мерцали лица, похожие на расплывшееся тесто. Какая-то женщина хихикала.

К машинам — открытым полицейским фургонам — подвели около тридцати арестованных. Большинство из них поднималось в кузова молча. Среди задержанных была и владелица дома, полная блондинка лет пятидесяти. Только она возбужденно протестовала. Несколько месяцев назад, затратив ничтожные средства, хозяйка переоборудовала два пустующих этажа полуразвалившегося дома под своего рода пансион. Вскоре пошли слухи, что у нее можно ночевать «по-черному», не регистрируясь в полиции. У хозяйки было только четыре настоящих жильца с полицейской пропиской — нищий, специалист по уничтожению насекомых и две проститутки. Остальные приходили вечером, после наступления темноты. Почти все они были эмигранты или беженцы из Германии, Польши, России и Италии...

— Живо! Живо! — прикрикнул офицер на хозяйку. — Все это вы объясните в участке. У вас будет достаточно времени.

— Я протестую! — кричала женщина.

— Можно протестовать сколько угодно. А пока что поедем.

Два полицейских подхватили ее под руки и посадили в кузов.

Офицер повернулся к Керну и Штайнеру.

— Так, а теперь вот этих. И не спускать с них глаз.

— Мерси, — сказал Штайнер и забрался в машину. Керн последовал за ним.

Грузовики тронулись.

— До свидания! — взвизгнул женский голос в окне.

— Измордовать всю эту эмигрантскую сволочь до смерти! — заорал им вслед какой-то мужчина. — Тогда сэкономите на кормежке...

Полицейские автомобили ехали довольно быстро — улицы были еще пусты. Небо за домами отступило, стало светлым, широким и прозрачно-голубым. Арестованные вырисовывались в машинах темными силуэтами, словно ивы под осенним дождем. Два полицейских уплетали бутерброды и пили кофе из плоских фляг.

Вблизи Аспернского моста из-за угла выскочил грузовичок с овощами. Обе полицейские машины притормозили и снова рванулись вперед. В этот момент один из арестованных, ехавший в задней машине, перемахнул через борт. Он упал на крыло, зацепился за него полый пальто и грохнулся о мостовую.

— Остановить машину! Задержать! — крикнул старший. — Если побежит, стрелять!

Машина резко затормозила. Полицейские соскочили и побежали к месту, где упал человек. Шофер оглянулся. Убедившись, что арестованный не собирается бежать, он медленно подал машину назад.

Человек распластался на спине. Ударившись затылком о камни, он лежал в распахнутом пальто, широко раскинув руки и ноги, точно огромная летучая мышь, шмякнувшаяся оземь.

— Поднять его! — приказал офицер.

Полицейские склонились над пострадавшим. Затем один из них выпрямился.

— Видать, сломал себе что-то. Встать не может.

— Да может он встать! Поднимите его!

— Дайте ему хорошего пинка — сразу повеселеет, — вяло проговорил полицейский, который ударил Штайнера.

Человек стонал.

— Он действительно не может встать, — доложил второй полицейский. — Голова в крови.

— Проклятие! — офицер опустил на мостовую. — Не смей шевелиться! — крикнул он арестованным. — Сучья банда! Возись тут с ними!

Машина стояла теперь вплотную около пострадавшего. Керн хорошо видел его сверху. Он знал этого человека. То был чахлый польский еврей с жидкой седой бородкой. Несколько раз Керн ночевал с ним в одной комнате. Он ясно помнил, как по утрам, перекинув через плечи ритуальные ремни, старик стоял у окна и, тихо раскачиваясь, молился. Он торговал мотками пряжи, шнурками для ботинок и нитками. Уже трижды его высылали из Австрии.

— Встать! Живо! — скомандовал офицер. — Зачем спрыгнул с машины? Небось рыльце в пушку! Воровал и бог знает что еще делал!

Старик зашевелил губами, устремив на офицера широко открытые глаза.

— Что? — спросил тот. — Он что-то сказал?

— Говорит, что спрыгнул с перепугу, — ответил полицейский, стоя на коленях около старика.

— С перепугу? Конечно, с перепугу! Натворил чего-нибудь, вот и боится! Что он говорит?

— Говорит, что ничего не натворил.

— Все так говорят! Но куда нам его девать? Что с ним?

— Надо бы вызвать врача, — слышался голос Штайнера с грузовика.

— А вы помалкивайте! — нервно огрызнулся офицер. — Где мы раздобудем врача в такой час? Не может же он бесконечно валяться здесь на улице. А потом опять скажут, будто мы его так отделали. Ведь всегда и во всем виновата полиция!

— Надо отвезти его в больницу! — сказал Штайнер. — И как можно скорее!

Офицер растерялся. Теперь, поняв, что старик тяжело ранен, он даже забыл приказать Штайнеру замолчать.

— В больницу! Так просто там его не примут. Нужна сопроводительная бумага. А я не имею права подписать ее. Сначала я должен составить рапорт.

— Отвезите его в еврейскую больницу, — сказал Штайнер. — Там его примут без сопроводительной и без рапорта. Даже бесплатно.

Офицер уставился на него.

— Откуда вам это известно?

— Можно отвезти его в Общество неотложной помощи, — предложил один из полицейских. — Там постоянно дежурит санитар или врач. Пусть разбираются с ним. А мы от него отделаемся.

Офицер принял решение.

— Ладно, поднимите его! Проедем мимо «неотложной помощи». Один из вас останется с ним. Дурацкая история!

Полицейские подняли пострадавшего. Он снова застонал. Лицо сильно побледнело. Его уложили в кузов. Он вздрогнул и открыл глаза. Они блестели неестественным блеском, резко выделяясь на осунувшемся лице. Офицер покусывал губы.

— Бред какой-то! Такой старик, и вдруг прыгает на ходу!.. Трогай! Только не гнать!

Под головой раненого натекла лужица крови. Узловатые пальцы скребли по днищу кузова. Губы понемногу разжались, зубы обнажились. Казалось, под прозрачной и угрюмой маской боли смеется кто-то другой, беззвучно и с издевкой.

— Что он говорит? — спросил офицер.

Тот же полицейский снова примостился около старика на коленях и поддерживал его голову.

— Говорит, хотел вернуться к своим детям. Теперь они, мол, умрут с голоду, — доложил полицейский.

— Ерунда какая! Ничего с ними не станется. А где они?

Полицейский склонился к раненому.

— Не хочет сказать. А то, мол, их тоже вышлют. У них нет вида на жительство.

— Что-то он фантазирует... А теперь что бормочет?

— Просит, чтобы вы его простили.

— Что? — изумился офицер.

— Говорит, чтобы вы его простили за неприятности, которые он вам причиняет.

— Простить? А при чем тут простить? — офицер внимательно посмотрел на человека, вытянувшегося в машине, и покачал головой.

Машина остановилась перед пунктом «неотложной помощи».

— Внесите его, — скомандовал офицер. — Только осторожно. Вы, Роде, останетесь с ним. Я потом позвоню.

Полицейские подняли пострадавшего. Штайнер наклонился над ним.

— Мы найдем твоих детей, — сказал он. — Поможем им. Понимаешь, старик?

Еврей открыл и снова закрыл глаза. Потом три полицейских внесли его в дом. Его руки свисали и волочились по мостовой. Как у мертвого. Через несколько минут оба полицейских вернулись и снова залезли в кузов.

— Он еще что-нибудь сказал? — спросил офицер.

— Нет. Совсем позеленел. Если сломал позвоночник — долго не протянет.

— Ну что ж, станет одним евреем меньше, — сказал полицейский, который ударил Штайнера.

— Простить! — пробормотал офицер. — Ведь надо же! Странные люди...

— Особенно в наше время, — заметил Штайнер.

Офицер подтянулся.

— А вы извольте заткнуться! Большевик! — рявкнул он. — Мы вышибем из вас все это нахальство!

Арестованных привезли в полицейский участок на Элизабет-променаде. С Керна и Штайнера сняли наручники. Затем их отвели к остальным в большое полутемное помещение. Почти все сидели молча. Эти люди привыкли ждать. Одна только белокурая хозяйка пансиона не переставала сетовать.

Около девяти часов их стали поочередно вызывать наверх. Керна привели в комнату, где находились два полицейских, писарь в штатском, тот же офицер и пожилой оберкомиссар полиции. Последний сидел в деревянном кресле и курил сигарету.

— Запишите анкетные данные, — приказал он писарю, сидевшему за столом.

Щуплый прыщавый писарь чем-то напоминал селедку.

— Имя и фамилия? — спросил он неожиданно низким голосом.

— Людвиг Керн.

— Когда и где родились?

— Тридцатого ноября тысяча девятьсот четырнадцатого года в Дрездене.

— Значит, немец.

— Нет. Я без подданства. Лишен гражданства.

Оберкомиссар покосился на него.

— И это в двадцать один год? Что же вы натворили?

— Ничего. Меня лишили прав гражданства заодно с моим отцом. Я тогда был несовершеннолетним.

— А отца за что?

Керн помолчал с минуту. Год жизни в эмиграции научил его взвешивать в официальных инстанциях каждое слово.

— По ложному доносу о политической неблагонадежности, — сказал он наконец.

— Еврей? — спросил писарь.

— Отец еврей, мать не еврейка.

— Ясно!

Оберкомиссар стряхнул пепел своей сигареты на пол.

— Почему же вы не остались в Германии?

— У нас отняли паспорта и выслали. Останься мы, нас посадили бы в тюрьму. И тогда мы решили: уж если сидеть, то лучше в любой другой стране, лишь бы не в Германии.

Оберкомиссар сухо усмехнулся.

— Могу себе представить. Как же вы перешли границу, не имея паспорта?

— На чешской границе в то время требовалось только предъявить простой бланк для прописки. Он у нас еще был.

В Чехословакии с таким документом можно было прожить три дня.

— А потом что?

— Нам разрешили остаться на три месяца. Затем пришлось уехать.

— Как давно вы в Австрии?

— Три месяца.

— Почему не явились в полицию?

— Потому что тогда меня бы немедленно выслали.

— Но, но! — оберкомиссар хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. — Откуда вам это так точно известно?

Керн утаил, что, когда впервые вместе с родителями перешел австрийскую границу, все они немедленно явились в полицию. В тот же день их заставили пересечь границу в обратном направлении. Прибыв в Австрию вторично, они в полицию уже не пошли.

— А разве это не правда? — спросил он.

— Не вам тут задавать вопросы! Ваше дело отвечать! — грубо ответил писарь.

— А где теперь ваши родители? — спросил оберкомиссар.

— Мать в Венгрии. Она венгерка по происхождению, и ей разрешили там проживать. Отца арестовали и выслали, когда меня не было в гостинице. Где он теперь — не знаю.

— Ваша профессия?

— Я был студентом.

— На что вы жили?

— У меня есть немного денег.

— Сколько?

— При себе — двенадцать шиллингов. Остальное у знакомых.

У Керна было только двенадцать шиллингов. Он заработал их, продавая мыло, духи и туалетную воду. Но, признайся он в этом, его бы обвинили еще и в недозволенной коммерции.

Оберкомиссар поднялся и зевнул.

— Ну что, всех допросили?

— Еще один остался внизу, — сказал писарь.